

ГРИГОРИЙ ПОМЕРАНЦ:

60-61

В России есть таланты, но нет идеи, способной их объединить

Этой весной одному из известнейших современных философов, культурологов, эссеистов, писателя, автору книг "Сны земли", "Открытость бедне. Встречи с Достоевским", "Собрание себя", "Великие религии мира" (совместно с З. Миржаной), "Выход из транса", "Страстная односторонность и бесстрашие духа", "Записки гадкого утенка" Григорию ПОМЕРАНЦУ исполнилось 85 лет. В связи с юбилеем мы решили побеседовать с писателем о сути того единственного высокого звания, которое он за долгие годы своей жизни и подвижнической деятельности заслужил в нашей стране, — звания русского интеллигента.



Г. Померанц

тим, в Польше, Чехии, Венгрии. Там движение образованного слоя достаточно легко подхватывал народ. Для нас же характерно другое: когда интеллигенты в 70-е годы XIX века пошли в народ, им связывали руки и сдавали их в полицию. Потому что народ воспринимал их как бар, которые бунтуют, потому что, наверно, хотят восстановить крепостное право. То есть нашей пропасти между образованным слоем и народом нигде — ни в Восточной, ни тем более в Западной Европе — не было. Здесь я невольно употребляю слово интеллигенция в смысле intellectuals, пренебрегая различием. И вот поэтому движение интеллигенции за демократизацию, вестернизацию, за права человека, приобретшее большую силу на рубеже XIX — XX веков, столкнулось с трагическим разрывом между зачинателями этого движения, интеллигентами, и народом, который был только слегка затронут просвещением и способен скорее на пугачевский бунт, чем на демократические реформы. Что и показала революция 1905 года, бывшая, конечно, тем самым игрой сравнительно с тем взрывом диких страстей, который произошел позже под влиянием Мировой войны, расколовшей в человеке массу темного. В течение нескольких лет миллионы мужчин учили убивать друг друга, они начали к этому привыкать, и зверь, выпущенный на волю, сыграл свою роль в 1917 — 1918 — 1919-х... Он и сегодня не совсем еще посажен на цепь.

одарен, и помимо "Вех" его не вспоминают. Это не важно, важно другое: люди объединились не по этническому принципу, а по глубине своей культуры; благодаря ей ничтожное меньшинство поняло то, что подавляющее большинство совершенно не понимало: разрушая государство и разжигая революцию, интеллигенция готовит собственную гибель.

И это действительно произошло. Когда революция случилась, то победила не интеллигенция, а небольшая группа профессиональных революционеров, которые вышли из недр русской интеллигенции, но презирали ее, ненавидели за колебания, за разговоры большевики, бескреветность, за гамлетизм. А мне трудно себе представить интеллигента, который не любил бы эту песь Шекспира и не чувствовал бы какой-то своей связи с Гамлетом. Вообще Европа не состоит из совершенно изолированных этносов. Есть ряд образов художественной литературы, возникших, например, один в Испании — Дон Кихот, другой в Англии — Гамлет, которые разбежались по всем странам мира. И скажем, Тургенев пишет статью "Гамлет и Дон Кихот", явно имея в виду типы русской интеллигенции. Так что профессиональные революционеры — в известной мере Дон Кихоты, считающие, что прежде всего надо действовать, — глубоко презирали колеблющегося Гамлета, который думает о том, что такое хорошо и что такое плохо. Если взять литературу 20-х годов, то в ней подобный тип образованного человека вырисовывается — это Василий Лоханкин. И иногда даже писатель, как Юрий Олеся, сетует в себе интеллигента. Или вспомним, допустим, Мечика из романа Фадеева. Писатель рисует интеллигента прежде всего как потенциального предателя.

— Он — вообще худший персонаж произведения.

— Да, хуже никого не нашлось. Любой хам оказывается выше в нравственном отношении интеллигента Мечика. Словом, эпитет "нигила", когда разговор идет об интеллигенции, становится практически постоянным вроде "Крас-

няющее традиции интеллигенции, остается. И та давняя дискуссия о том, что же такое русская интеллигенция, получила свое дальнейшее развитие несколько лет тому назад в споре между Панченко и Панченко. Панченко Николай считал, что интеллигенция — это самая лучшее, что у нас есть, а недавно умерший Панченко Александр доказывал, что интеллигенция — такая слизь, что доброго слова о ней сказать нельзя.

— И позиция которого из них вам ближе?

— Надо признать, что оба они правы. Просто одним словом называются разные люди и разные явления. Я, занимаясь этой проблемой, иногда на помощь себе привлекаю прилагательные — интеллигентная интеллигенция. Ленин под словом "интеллигент" понимал просто работника умственного труда. Но тогда совершенно стиралась национальная традиция, просто ничего от нее не оставалось. И исчезал Чехов со всеми своими персонажами. А с моей точки зрения, исчезали и герои Достоевского. Потому что хотя Достоевский был слишком крупен, чтобы вписываться в какую бы то ни было категорию, но движение — его самого и его героев — от бесплодности к почве глубоко захватывало именно интеллигентно, а не весь народ в целом, которому подобные проблемы были чужды. По статистике, Достоевского больше всего читают в Израиле, который собран из людей, чувствовавших себя в бесплодности и помчавшихся в Палестину в поисках почвы. И поэтому герой Достоевского оказался им очень близок. А между тем масса русских людей Достоевский трудно понятен. Я не думаю, что и сейчас он, если взять деревню, если взять наименее образованные слои населения, особенно много среди них читается.

Есть еще группа читателей, который близок "Дневник писателя" Достоевского. Эти люди воцерковились или стремятся воцерковиться, найти и православия свою почву. Но читатель романов Достоевского уже до некоторой степени ощущает себя продолжателем традиции интеллигенции. Чи-

следний раз "проходят" в школе.

— Мы, наше поколение, были еще людьми читающими. Потом произошла гигантская информационно-техническая революция, думаю, не менее важная, чем, скажем, переход от устного слова к письменному. Но ведь и он был связан с некоторой вульгаризацией. Например, в Индии Упанишад или Веды долгое время не разрешалось записывать. Считалось, что подобные тексты должны переходить от учителя к ученику вместе с учительским отношением к слову, вместе с образом учителя, который мог бы сразу направить и исправить ученика, если тот не так понимает смысл.

Текст беззащитен. Текст лежит, как простите, связанная женщина, которая любит или не любит, но находится в руках того, кто к ней подходит. И сколько нелюбимых может анализировать текст! Просто резать его на куски и насилувать этот текст, выисывая, опуская, опуская, подгоняя под дурака великое и священное. Так что и письменность была достаточно рискованным мероприятием. И недаром у нас в стране были противники народной грамотности, считавшие, что заключенный в фольклорной традиции духовный опыт так лучше сохранится, что люди полуграмотные от него отойдут, но к высокой этике не придут. А как я смотрел в одном немецком музее рукописные книги и почувствовал, что следующим шагом вульгаризации общества было появление продукции печатной. Самый облик Библии, любовно переписанной, производит впечатление, близкое к общению с другим человеком. Сейчас, правда, появилось искусство шрифта, искусство самый шрифт делать благородным. И все-таки остается надежда, что человек читающий частично сохранится.

— Меня поражает нынешнее падение престижа книги еще и потому, что на моей памяти сравнительно недавно, в конце 80-х — начале 90-х годов, был просто информационный взрыв, читательский бум. Когда люди читали и газеты, и журналы, и книги, и тиражи в сотни тысяч были для книг нормальными. И не мо-

жешь сказать, что людей интересовало только развесистая клюква. Пользовались огромным спросом и Платонов, и Мандельштам, и Замiatин, и те же "Вехи".

— В основном это был интерес к тому, что раньше не разрешалось читать.

— Наверное, но согласитесь, что тогда людей интересовал более широкий круг вопросов — и не только связанных со злобой дня. Именно в этот период много писателей, причем самых противоположных взглядов, попало во власть. В первом нашем парламенте были и Шмелев, и Белов, и Лихачев. Был и Сахаров.

— Да, Сахаров был, и не столько как ученый, сколько как публицист. И думаю, этот бум был подогрет все-таки интересом политическим. Потом, в начале 90-х годов, был резкий упадок интереса ко всему этому, связанный, как мне кажется, с разочарованием в ходе реформ. И упадок захватил сразу все искусство. Люди тогда перестали ходить в театры...

— Сейчас театры полны, несмотря на дикие цены на билеты.

— Кстати, я недавно был на одном "крулом столе", где, в частности, рассказывалось, что по крайней мере на 70 процентов зрительные залы в последние годы всегда заполнены. Пустых зрительных залов нет. Так что сейчас идет возвращение к культуре. Но опять-таки за счет каких возрастных групп? Скорее за счет сорокалет-

тате деятельности обновленной школы, обновления Церкви в духе Антония Сурожского и обновления семьи удастся воссоздать хоть какой-то нравственный порядок, и люди получат возможность работать честно у себя на родине. Пока же масса талантливых людей бросает свое дело, потому что не предвидится возможности человеку использовать свой дар по предназначению. Мы ведь вообще стоим на великом повороте. И дальнейшее развитие науки и техники упирается в возможности биосферы. Очевидно, человечество должно сейчас совершить очередной поворот в сторону прежде всего духовного роста, а не дальнейшего увеличения экономической мощи за счет невосполнимой потери природных ресурсов. И с этой точки зрения положение России не так уж плохо. Когда поворачивается армия, арьергард оказывается впереди.

Конечно, тут не надо обольщаться, потому что на нашу жизнь всегда воздействуют многие факторы, множество факторов, и никогда нельзя точно знать, как они будут переплетаться и какую фактору нужно отдать приоритет. Все время надо присматриваться к жизни. Очень хорошо об этом сказал Антоний Сурожский еще в 74-м году: "Надо вглядываться в целостность жизни и искать Божий след". Если говорить более современным языком: надо искать сегодня главный приоритет в переплетении бесконечного числа факторов. И здесь я не уверен, что знаю, как надо. Потому что, во-первых, я могу ошибиться в приоритете, во-вторых, у меня есть какие-то личные пристрастия, которые для меня важнее других вещей. Я не силен в экономике, это не мое дело. Никто не знает всего, что можно узнать. И поэтому очень важно развивать культуру диалога.

— И много ли у нас сейчас существует, с вашей точки зрения, носителей этой самой культуры диалога?

— Во всяком случае, существуют группы достаточно молодых людей, из которых может сложиться интеллигенция — не то что заново, потому что традиция все-таки ни-



ного Солнышка" в былинах при упоминании князя Владимира или "злого татарина" Ну, гнилой интеллигент. Это была навязанная народу большевиком оценка, снискавшая все проблемы. Стоит ли возиться с нильем? Между тем интеллигенция — это целая куча проблем. Вот если прочитать внимательно "Вехи", то мы увидим, что у разных веховцев слово интеллигент приобретает разное значение. Для Струве интеллигенция — всегда синоним интеллигенции революционной, у других авторов подобная уверенность отсутствует. А у Фадеева, наследника "Вех", который имел возможность более глубоко изучить и продумать дальнейшее развитие событий, отчетливо сказано, что большевики уже не интеллигенты, что это вообще люди, которые за счет радикального упрощения своей психики пришли к какому-то совершенно новому человеческому типу, хотя и вышедшему из недр интеллигенции, но ее презирающему и ненавидящему.

И вот в течение революционных лет интеллигенция становится объектом постоянных экзекуций, и не только в виде морального поношения, но и прямого физического истребления. Красный террор в значительной степени ударяет по интеллигенции. Известное распоряжение Ленина расстрелять 300 профессоров покажется, какими методами это делалось. И тем не менее, несмотря на все сдвиги, какому-то меньшинству образованных людей, сохра-

татель Достоевского или читатель Чехова. Вот скажем, Василий Гроссман в своей "Жизни и судьбе" произносит настоящий дифирамб Чехову — самому гуманному и т. д. И этим он определяет себя как продолжателя традиции русской интеллигенции. Мне ближе Достоевский, но именно Достоевский беспочвенный и ищущий почву, а не нашедший и успокоившийся.

Я думаю, чтобы в нынешнем хаосе отделить людей, взыскующих каких-то обновленных духовных ценностей, живых, а не помертвевших, можно привлечь как вспомогательный признак — каких писателей они любят, кто они читают, какую музыку слушают и т. д. Потому что для современной интеллигенции не могла пройти незамеченной та огромная духовная работа, которую проделала русская литература XIX века. И прежде всего писатели, оказавшиеся особенно глубокими, — Достоевский, отчасти Толстой, хотя Толстой стал немножко архаичным, он был слишком связан с дворянским бытием. И интерес к нему сейчас пропадает, хотя жаль, у него много прекрасного. И я думаю, что носители этических проблем, именно проблем, а не решений, которыми была жива, которыми горела русская литература XIX века, ну, если взять в совокупности от Пушкина до Чехова, — это и есть то, что сохранилось от русской интеллигенции.

— По-моему, русскую литературу XIX века люди сейчас в по-

часто не можем найти, но, конечно, он есть, хотя пока чаще всего в виде единичных явлений.

— И что же должно произойти, чтобы они стали более-менее массовыми?

— Трудно сказать, что может стать главным рычагом в этом деле. Скажем, господствующая Церковь сейчас в таком состоянии, что, к сожалению, этот рычаг мало что дает, кроме частных случаев, когда находится талантливый и благородно мыслящий священник. Еще? Школа, семья — эти институты даже в условиях бедности могут привести к созданию некоей нравственной устойчивости. Но семья должна поддерживать культуру, а культура в кризисе. Есть таланты, но нет идеи, сплоченной их объединить. И будущее России под вопросом. Школа у нас все еще лучше, чем в Америке, однако потом эти способные мальчики и девочки уезжают за рубеж. Если создать им возможность работать дома, они будут работать дома. И несмотря на то что страна совершенно бездарно позволила уехать большому числу евреев, армян и многих других, которые там оплошь и рядом моют окна, и только меньшинство из них получает возможность раскрыться полностью, и которые здесь могли бы сделать гораздо больше, — в стране по-прежнему остается достаточно много русских одаренных мальчиков и девочек, и я только потому не теряю последней надежды.

— Может быть, все-таки в резуль-

когда не прерывалась, она только популяризирована за последние десятилетия. И эти новые группы, возникающие от тоски по смыслу жизни, ищущие смысл жизни, могут подкрепить захиревшую русскую интеллигенцию, присоединяя к тем немногочисленным ее адептам, которые сохранили себя при всех испытаниях и соблазнах советского и постсоветского периодов. Есть, например, чудесная книга Тамары Петкевич "Жизнь — сапожок непарный", в которой описывается, как какой-то школьник оказался лагерем, как она духовно выросла там. И это все очень важно передать людям, которые пробиваются сквозь современные трудности.

В общем, надежда есть. Осуществление надежд не упадет с неба, оно зависит от каждого. И если каждый сделает все, что он может, то тогда чаемое свершится. Тогда возродится интеллигенция, которая пока находится в процессе разрушения-становления. Много оттаивает зерна прорастают. Много было мякни — людей, изображавших себя интеллигентной и не обладавших дешевыми советскими приманками, — а потом сплывавших, когда запахло большими баксами.

Беседу вел Павел НУЙКИН

Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ и Владимира БОГДАНОВА